

Чумрадио

Фантастический радиоджарж Г. Б. Малиньяка
Рисунки Е. Н. Иванова

То был смутный и причудливый день и мне трудно его вспомнить и рассказать. Может быть это был дурной, тягелый сон.

Началось все с того, что статья о самом животрепещущем вопросе дня, о жилищном кризисе, никак у меня не клеилась. Писать под аккомпанемент восьми коптящих и гудящих примусов, под грохот перетаскиваемой через коридор мебели, под шлепанье ног, хлопанье дверьми и ссоры жилищ—было выше моих сил. Я выбежал из моей тесной каморки на улицу и спешно направил шаги к общественной читальне, в которой я работаю тогда, когда все примусы нашей квартиры начинают гудеть не порознь, а хором.

В уголке читальни кто-то тихонько дотронулся до меня сзади и прошелестел:

— Виноват, вы конечно, радиолюбитель?

Я сострадательно оглядел его с головы до ног, длинного, бледного, молодого человека, в изолированных рогах, круглых, американских очках, и с удовлетворением признался, что нет.

— А вы не знаете какого-нибудь опытного радиолюбителя? — простонал молодой человек.

Я сделал усилие и припомнил Маркони, фамилию которого мы однажды случайно пропечатали в нашей газете петитом, где то в самом конце номера.

Меня охватил мгновенный ужас перед этой молодой жертвой новой, еще неисследованной, фатальной болезни. Не желая раздражать беднягу, я попросил его рассказать все по порядку, с самого начала.

Голос у юноши был на редкость душевный, музыкальный и льющийся прямо в душу.

— Случалось ли вам, — начал молодой человек, — бросить когда-либо камень в стоячую воду тихого пруда?

Я почувствовал, как мои волосы по обе стороны пробора начали подыматься и итти друг другу навстречу.

— И вот, — продолжал юноша, — бросив камень в воду, вы замечаете, как по тихой зеркальной поверхности пруда

История с зеркальной поверхностью тихого пруда продолжалась ровно 55 минут. Вслед затем несчастный начал бредить каким-то эфиром, один кубический миллиметр которого, якобы, должен содержать в себе энергию, равную общей добыче силовой станции мощностью в один миллион лошадиных сил, при непрерывной работе этой станции в течение 30.000 лет днем и ночью.

— Один кубический миллиметр... 30 тысяч лет... Миллион лошадиных сил... Ну, разве психически здоровый человек мог бы придумать что-нибудь подобное?

Я уже собирался позвать на помощь библиотекаря с «КИМ»ом в петличке, когда юноша перешел к новой, довольно безобидной сказке о лягушке, дрыгавшей ножкой у какого то итальянского эскулапа. Продолжения его рассказа я так и не узнал, так как при следующей истории о том, во что выльется в будущем дрыганье лягушечей ножки, читальню заперли, и я, осторожно протискившись с несчастным юношей, пустился, что было духу, обратно домой.

На улице у меня произошел инцидент с папиросником от Моссельпрома, дерзко заявившим мне, что «в настоящее время, он принципиально не держит других папирос, кроме „Радио“».

На лестнице дома меня встретил мой коллега по ревизионной комиссии жилищного товарищества, веселый сотрудник 44-го ассенизационного обоза МКХ, но и этот, прежде вполне здоровый, выносливый, и казалось бы, реально смотревший на жизнь человек, тотчас же обнаружил симптомы нового варианта умопомешательства.

— Уж вы-то, Антон Антоныч, — воскликнул он весь, сияя, — как вы есть журналист и газеты всякие пишете, нам скажете насчет того самого и прочего.

— Насчет чего именно?

— А все насчет радия. В какой плепорции должен быть конденсатор... ежели...

Я смерил его долгим уничтожающим взглядом, и голосом, полным скорби и укоризны, ответил:

— Стыдно! Стыдно вам, отцу семейства, серьезно пролетарию. Выборное вы, можно сказать, лицо в доме, гражданин сознательный, а вот какими глупо-

пойдут волны, которые, удаляясь все шире, шире и шире от места падения камня вздевают за пробку, веточку, листик, или другую вещь, мирно плававшую по зеркальной поверхности тихого пруда...

Юноша жадно схватил мою руку и радостно всхлипнул:

— Его адрес?

— Самое лучшее и простое — Всем, Всем, Всем, до востребования, Пострестант...

— Гм, а здесь... в Москве, вы не знаете?

— Чудак человек. Конечно, нет! Я человек физически и морально здоровый и с этой дурацкой эпидемией ничего общего не имею.

Я взглянул на моего собеседника сбоку и мне стало его жалко.

— А впрочем, зачем вам? — полюбопытствовал я.

Он охнул и слабо промямлил:

— О, вы этого не поймете. Вы никогда не сможете понять трагизма моего положения. Подумайте, подумайте только, гражданин: на волне в три тысячи двести я отчетливо слышу Сокольники, а на тысячу десять почему-то Эрдэва...

стями занимаетесь. Стыдно! Еще раз стыдно! И прощайте.

С тяжелым чувством изшел я к себе в квартиру. Заперев свою каморку, я предался самым мрачным думам, когда в дверь раздался резкий и нервный стук. Стучала Клавдия Ивановна, машинистка правления Центрохладобойни, жилища угловой комнатки.

— Что случилось, Клавдия Ивановна? — учтиво осведомился я.

— Извиняюсь, Антон Антоныч, но через вашу комнату проходит канализация, к которой припаяна моя земля...

Я затрясся как в лихорадке. Земля припаяна к канализации!!! Неужели и она? Эта румяная, жизнерадостная, устойчивая в своих чувствах девушка, ранее любившая одного лишь доктора Мабузо, да и то только на экране.

Я выбежал в коридор. Из соседней комнаты, кишмя кишевшей членами домового радиокружка, доносился густой, дрожащий голос студента Джемаридзе:

— ... Сопротивление в 4 мегомы... Гетеродинаж... Пятый номер гармоники дает 391 тысячу 500 вибраций в секунду, что соответствует ноте Sol 3...

Я заглянул на кухню. На подоконнике лежала правая нога Марка Натановича Финкеля, солидного галантерейщика со Сретенки, только накануне разоренного фининспекцией за неплатеж уравнительного сбора. Остальные члены бедного негоцианта свисали с шестого этажа на двор. Я бросился на помощь. К счастью, бедняга еще теплился. Я схватил его за оставшуюся в квартире ногу и в ужасе воскликнул:

— Марк Натаныч! Что вы делаете?

Остановитесь! Ради бога, остановитесь! Вы еще так молоды. Нэп еще не кончился. Вы еще отыграетесь...

Из-за наружной оконной рамы злобеще просопел голос несчастного торговца:

— Уходите, или я за себя не отвечаю... Все, все берите, и деньги, и товар, и вещи, но антенны, антенны не отдам, не отдам!..

Мои ноги подкосились, я всплеснул руками и погрузился в глубокий обморок.

От холода, стянувшего мою спину и плечи, я, наконец, пришел в сознание и, стремительно бросившись к телефону, неистово закричал:

— Станция... Дачу... Дайте мне Канатчикову дачу... У нас целая квартира с ума сошла... Эпидемия началась... Радиочума... ЧУМРАДИО...

Телефон молчал. Над аппаратом висела маленькая печатная записочка:

По всем делам бывш.
ТЕЛЕФОННОЙ СЕТИ
вызывать БПГ
на волне в 101 метр.
Обязательно радиопучками.

Не помню, каким образом я вслед за этим очутился в подъезде, в объятиях председателя жилтоварищества.

— Вас-то мне и надо, — воскликнул он с видом милиционера, который только что поймал пассажира, вскочившего на ходу в трамвай.

— Уплотнение, или выселение? Говорите скорее! Что у вас сегодня?

— Переселение, дорогой. Вам назначен весь Большой театр, всего 2 рубля в год, с отоплением и освещением.

Что? Не хотите театр? Берите тургеневскую библиотеку, Госиздат, оба университета, курсы Берлица, весь МОПО берите. Не хотите? Тогда почта может подойдет вам? Главлит берите, Главнауку, Литературный Институт, Институт Права, Методологии, Профессуры, Лазаревский. Ломоносовский, Госкино. Цирк берите. Дом самого Муни даю вам, наконец. Подумайте только: любой дом, любая аудитория 2 рубля в год. Без ордеров и канители. Выручите отца семейства. Вспомните, как я вас выручал, когда у вас излишек в 1½ аршина отнимали. Зубами, можно сказать, защищал...

Я схватил его за горло и прокрипел: — И вы?.. И вы также очумели? Все, все забесились, ошалели!

— Берите Антон Антоныч. Все застрявшие на земле берут. И вы берите, что хотите: библиотеки, курсы, школы, студии, лекционные залы, аудитории и палаты всякие, типографии, цинкографии, телефоны, телеграфы издательства, редакции... Все равно пустыт... Никому не нужны больше. Школы преподают на волне 777 метров, оперы поют на 3 7, Госиздат изет на 211 р. партия на 1111 метры. Берлиц на...

Я схватился за голову, выбежал на улицу и начал кричать диким голосом:

— Караул! Милиция! Люди! Сюда!..

Сидевший у подезда восточный чистильщик обуви смерил меня оловянными зрачками своих старческих глаз и жалко улыбнулся:

— Караул не криши, душа мой. Сос¹⁾ кричи! На 600 метры.

Я конвульсивно схватил его за грязную шинель и с пеной у рта взвизгнул:

¹⁾ Сос — международный сигнал бедствия.

— Где газетчик? Здесь рядом с тобой всю жизнь стоял газетчик! Отвечай, или я убью тебя.

— Зачим газетчик? Нету болше газетчик! Если „Звести“ хочиш, слушиш на 999 метры, если „Правда“ хочиш, слушай на 666 метры, программ на театр хочиш—слушиш на три сто пятнацэт метры, если кушити хочиш...

Я отшвырнул его в сторону и побегал на Советскую площадь.

Колонна стояла на прежнем месте. Но почему на улице нет никого? Где те два миллиона живых людей, два миллиона копий моего собственного я?

Мне становилось невыносимо душно. Я протер глаза. Вот передо мной дом 1-й Студии Художественного театра, где я вчера еще смотрел „Двенадцатую ночь“. Все, все здесь, как вчера, как год тому назад.

Лишь в окне конторы Пролеткино я неожиданно заметил поблекшее от времени:

ИЗВЕЩЕНИЕ.

Вследствие ликвидации кинотеатров радиокартинки будут передаваться ежедневно от 3-х до 12-и час. на волне в 33 метра.

Я внезапно почувствовал жгучую боль в обоих висках, но собравшись с последними силами перебежал мостовую и ввалился в под'езд Моссовета.

Не успел я, однако, перешагнуть через порог, как в потолке что-то щел-

кнуло, сверкнуло, открылись какие-то гигантские клапаны, обнаружив чудовищных размеров, изолированные рогом, круглые очки, точь в точь такие, как у юноши в читальне. Какой-то далекий, но на редкость задушевный музыкальный и в душу льющийся голое миллионом вибраций заполнил безлюдное здание насмешливым вопросом.

— Вам чего же собственно здесь надо-ть, гражданин? А-сь?

— Власть! Где власть? Мне нужно говорить с властью! — кричал я в иступлении.

— Чудак человек!—отвечали вибрации, —нешто в наше время так можно разговаривать. Вон будка в углу, направо которая, РАДИОФОНОСКОП, автомат, там написано. Ежели, для примеру, простую осциллограмму дать желаете, ставьте на 444 метра, ежели фотограмму—на 555, ежели звукопленку—на 888... Из застрявших, что ли, будете?—подтрунивал незримый часовой.

— В л а с т ь!!! Где находятся представители власти?

—Опять же, чудак вы человек. Нешто в наше время можно знать, где кто находится? Пеленгуйте ²⁾). А ежели сами не умеете, милицию спросите. Вон она, кружит милиция. Чудаки человеки. Прязде бывало никак не уговоришь их припаять землю к небу, а таперича, пожалте, окапывай ему все спервоначалу. А може вы и про тихий стоячий

²⁾ Пеленгация—определение неизвестного местоположения предмета.

пруд, и про лягушку, и про иное прочее не слышали? А-сь? Тогда выкидывайтесь отсель! Много тут вашего брата шляется.

Я выбежал на улицу. Над моей головой действительно кружила чудовищных размеров красная птица с надписью АЭТРОМИЛИЦИЯ на острых крыльях и оглушительно каркала на всю площадь:

Шестьсот туч грозowych на наковальне
А Ку Каstellлатус. Шесть километров над уровнем моря. Навигация только по тракту ниже облачных образований, а то ш т р а ф!

Из нависшей над площадью огромной тучи вынырнула несметная стая летающих небоскребов, дирижаблей, гидролетов, астропоездов, авиоциклов, бронь-авионов, грузопланов и в стройном порядке двинулась на восток в сизую дымчатую даль.

Так вот она Москва в небоскребах! Так вот оно продолжение недослушанной мною повести в читальне!

У меня помутилась память, и я упал без чувств на мостовую.

Из трещин в асфальте до моих ушей явственно доносился грохот восьми чудовищных примусов и густой дронящий голос:

ВСЕМ, ВСЕМ. ВСЕМ,

Говорит Московская Центральная Радиотелефонная станция имени Коминтерна...

Я широко открыл глаза. А там, за стеной, Джемаридзе, демонстрируя громкий радиоприем, припаивал землю к наковальне тучи грозовой.